

ПОБЕДЫ ОТ РЯДОВОГО ДО МАРШАЛА

НА НЕПРИМЕТНОЙ ВЫСОТЕ

Была своя высота и у ленинградца **Василия Михайловича Звонцова**, лейтенанта под Великими Луками, подполковника в Берлине, а ныне народного художника РСФСР, замечательного художника и доброго, светлого человека. Его высота 178,3 — подвиг и боль. Его рассказ о ней — солдатский поклон товарищам по священному долгу защиты Отечества. Живым и паршивым.

Приказ стрелковому полку

Если ехать к югу от Великих Лук, держа путь на Поречье и Сиверст, приблизительно на 28-м километре дорога будет оглядывать Ступинскую высоту. Издали эта высота не покажется вам сколько-нибудь приметной, у подножия вы назовете ее внушительной, а поднявшись на вершину, поразитесь, как далеко стало видно на все четыре стороны. Среди целого моря открывшихся вам больших и малых холмов и пригорков вы без труда найдете на западе приметный двугорбый холм. На военных картах он значится как высота 178,3, а солдаты называли ее Погонялинской высотой (по названию расположенной рядом деревни).

Именно здесь в ноябре и декабре 1942 года развернулись ожесточенные, редкие по своему упорству бои, продолжавшиеся без перерыва почти месяц и унесшие не сотни, а тысячи жизней.

Эти трудными боями и начинается та история, о которой я хочу рассказать.

В ноябре 1942 года 3-я Ударная армия — та самая армия, войскам которой суждено было впоследствии драться в Берлине и брать рейхстаг, — начала сражение за древний русский город Великие Луки. Наша 28-я дивизия, нанося вспомогательный удар южнее Великих Лук, вступила в бой 25 ноября. Основная задача по прорыву обороны противника была возложена на 88-й стрелковый полк, в котором и проходила моя фронтовая жизнь.

Задача полку предстояла нелегкая: взять сильно укрепленную Ступинскую высоту (немцы называли ее Ступинским бастионом) и удержать ее с южной стороны (этому укреплению немцы дали название «Скорпион»). Затем полк должен был наступать на запад, в направлении высоты 178,3 и Полибино.

Если 88-й полк считался в дивизии лучшим, то это было прежде всего заслугой нашего командира — подполковника Лихобабина Ивана Семеновича, человека необыкновенного. В нем счастливо сочетались такие достоинства, как военный талант, находчивость и хладнокровие в боевой обстановке, требовательность и настойчивость вместе с отеческой заботой о солдате, житейская мудрость, простота и доступность, большое уважение и доверие к подчиненным, безупречность и скромность личного фронтового быта.

Это позволяло ему решать со своим полком самые трудные задачи. Его в полку не просто любили от мала до велика, ему были преданы, в него верили, за ним шли без оглядки. Было просто стыдно и невозможно служить у него в части кое-как. Солдаты и командиры в разговорах между собой с гордостью называли Ивана Семеновича «наш батя» или «наш Суворов». Осенью 1943 года тяжелое ранение вывело его из строя, но полк еще долго именовали лихобабинским.

25 ноября 1942 года Ступинская высота была нами взята штурмом. Батальон капитана Зажитина и отдельная рота старшего лейтенанта Копылова в рукопашных схватках, продолжавшихся до темноты, очистили от противника этот бастион, трижды опоясанный траншеями, изрытый ходами сообщения, сплошь обнесенный колючей проволокой в три ряда и минными полями.

Не менее напористо действовали и другие батальоны нашего полка, наступавшие правее, в обход Ступинской высоты. Батальон капитана Васильева, выйдя на выгодные позиции и перехватив главную дорогу, ведущую к Ступинской высоте с запада, отбивал настойчивые атаки резервов противника, стремившихся пробиться на выручку Ступинскому гарнизону. Третий батальон, которым командовал старший лейтенант Войтенко, предприняв глубокий обход справа, с тяжелыми боями прорвался на тыловую рубеж противника и захватил к концу дня важнейшую высоту 178,3.

Огонь на себя

Противник делал все, чтобы восстановить положение. Его части повсюду сопротивлялись отчаянно. Все ближайшие резервы были брошены в бой. Потеряв Ступино, высоту 178,3 и ряд деревень, немцы тем не менее удерживали за собой узел дорог Сеньково. Было совершенно ясно, что они попытаются любой ценой вернуть утраченное. Наутро следовало ожидать подхода свежих сил противника и еще более настоячивых контратак.

Между тем никаких резервов наш полк больше не имел. Все его подразделения были втянуты в бой и несли потери. Сколь тяжело были схватки этого дня, видно хотя бы из того, что к вечеру в третьем батальоне оставалось около 50 человек. Все офицеры, кроме одного, выбыли из строя. Был равен и комбат. А полсотни бойцов, удерживавших высоту 178,3, возглавлял комиссар батальона капитан Шутов.

Утром 26 ноября тридцать бомбардировщи-

ков противника долго и старательно обрабатывали наш передний край, особенно Ступинскую высоту, применяя при этом особый прием для воздействия на психику: сначала бомбили четные самолеты (первый, третий, пятый и т. д.), а четные (второй, четвертый, шестой и т. д.) имитировали бомбежку, включая сирену, и открывали пулеметный огонь. В следующем заходе все было наоборот: четные бомбили, а четные имитировали бомбежку.

Потом начались контратаки. Из дальних тылов противник срочно перебросил на грузовиках части 20-й мотомехдивизии, которые без промедления вступали в бой. Противнику удалось кое-где потеснить наши подразделения, но вернуть главные опорные пункты он не смог, как ни старался.

Труднее всех пришлось защитникам высоты 178,3, стоявшим преградой на пути главных вражеских контратак. Связь с бойцами часто прерывалась. Высота переходила из рук в руки. Два или три раза туда с большим трудом пробрались одиночные бойцы. Они приносили патроны и пищу в термосах. Это было пока все, что мы могли дать. Утром 27 ноября удалось вынести с высоты нескольких раненых и получить донесение от Шутова, в котором капитан сообщал, что боеприпасы на исходе, что их, включая раненых, 28 человек, что высоту они не сдадут и будут ждать помощи. Тогда же вместе с подносчиками патронов на высоту пробрался лейтенант Кузьмин — офицер 112-го арtpолка нашей дивизии. Через кусты, овражки, ложбинки за ним тянули телефонный кабель, который лег так удачно, что связь с огневыми позициями артиллерии долго не прерывалась. Артогонь, корректируемый лейтенантом Кузьминым, был точным, быстрым, безотказным. Многие

атаки противника успешно отражались только благодаря помощи артиллеристов.

Но один за другим выходили из строя защитники высоты, кончались боеприпасы, и положение становилось критическим. Наши настойчивые просьбы о подкреплении были услышаны: где-то уже спешил на выручку лыжный батальон, а немцы в это время пошли в решительный штурм сразу с нескольких сторон. После сильной артподготовки в атаку поднялось около трехсот фашистских солдат... Когда половина высоты была уже в руках противника и замолчал наш последний пулемет, лейтенант Кузьмин вызвал огонь на себя. Под густыми разрывами наших снарядов вместе с наступающими вражескими солдатами погибли последние защитники высоты 178,3.

И вот 23 декабря внезапной ночной атакой мы наконец взяли Сеньково. Наутро противник послал в контратаку свой отборный резерв: 10-й полк 1-й бригады СС. Пьяные фашисты, наступавшие в полный рост тремя эшелонами, были расстреляны в упор. Сотни убитых и два плененных эсэсовца — таков итог этой «психической атаки». Кое-кто в вышних штабах ставил под сомнение количество убитых: не много ли для такого небольшого боя? Нет, не много. Батальон в своем донесении ничего не преувеличивал. Такими бывали бои на второстепенном направлении.

Словно пружина лопнула в немецком механизме: в ближайшую же ночь вражеские части покинули за реку Ловать, оставляя обширный район нашей земли.

В мае 1943 года, когда район описываемых событий стал нашим ближним тылом, в теплый солнечный день я вновь очутился перед высотой 178,3.

На черной влажной земле, перепаханной снарядами, клочьями зеленела молодая трава. Воронки были до краев наполнены голубой водой. Затененная набегавшим облаком, молчаливая и строгая стояла двугорбая высота. Рядом со мной, на месте бывшего хутора, раскрывала белоснежные цветы иссеченная осколками яблоня. Только что торжественно и гулко пронеслась гроза, пролился щедрый весенний дождь, прозрачные полосы которого еще висели над горизонтом.

На крохотном клочке бумаги сделал я тогда же набросок поразившего меня пейзажа (этот набросок чудом сохранился). Сделал просто так, ни о чем не заглядывая, в силу обыкновенной профессиональной привычки. К тому времени я стал начальником штаба полка, и дел у меня каждый день было видимо-невидимо. Если все же я изредка делал крохотные наброски, то прятаясь, — когда меня никто не видел.

Через десять лет набросок все же пригодил-

ся. В 1952 году, заканчивая институт имени И. Е. Репина в Ленинграде, я назвал один из листов своей дипломной серии «Высота 178,3». Он был главным из семи сюжетов диплома, объединенных общим названием — «По дорогам войны». Легендой стал бой за эту высоту и легендарными те однополчане, что погибли все до единого, но не отступили.

Да, так все мы думали и считали до известной поры: погибли все до единого! Но вот пытливые и настойчивые школьники-следопыты из Поречья, что в 7 км южнее Ступина, направляемые своими учителями, одного за другим разыскали нас, ветеранов войны, освобождавших эти края. Так некоторые из боевых друзей вернулись для меня из небытия. Необыкновенным счастьем была весть о том, что жив Иван Семенович Лихобабин, чья жизнь была и остается для меня примером. Мы с ним списались, а потом встретились не раз. Неугомонные школьники, их добрые наставники, гостеприимные жители Поречья устроили встречи фронтовиков. Одну, вторую, третью. На каждую новую встречу нас собиралось все больше и больше. Мы узнавали о тех, кто жив остался, но приехать не смог.

А на памятной встрече 9 мая 1969 года стало известно, что остался в живых один из защитников высоты 178,3 — Сергей Николаевич Герасимов. Был он в ноябре 1942 года старшиной пулеметной роты нашего полка и командовал пулеметным взводом, воевавшим на Погонялинской высоте. Новость необыкновенная! Разъехавшись по домам, мы с Иваном Семеновичем написали Герасимову.

Потом Иван Семенович ездил в Сольвычегодск, где живет Сергей Николаевич, и попросил его записать рассказ о боях 25—27 ноября 1942 года. И вот эти воспоминания у меня в руках: четыре листочка из тетради в линейку — восемь страниц, на которых скупое и бесхитростное, как уметь, описал Герасимов давние события. Краткие и лаконичные свидетельства участника боя подтверждают, что в битве за высоту 178,3 бойцы нашего полка совершили подвиг высочайшего героизма.

Человек из легенды

Рассказ Герасимова я привожу почти дословно, допуская в отдельных местах очень небольшие сокращения и пояснения.

«Перед боями за высоту Ступино нашу роту повзводно придали стрелковым ротам. Я был назначен командиром взвода в третий батальон 88 сп... Наш третий батальон наступал в направлении дер. Полибино...»

Форсировав реку Ловать, к исходу дня 25 ноября 1942 года мы заняли Погонялинскую высоту перед деревней Полибино. Эта высота по фронту растянулась метров на 500 и имела на флангах два стрелковых окопа. Эти окопы были соединены траншеей глубиной до двух метров, имевшей пулеметные и стрелковые гнезда. Заняв эту высоту, наш батальон зашел далеко вперед и имел открытые фланги. При взятии высоты я был со своим взводом на левом фланге. С нами был и капитан Шутов. Уточнив, что на правом фланге нет ни одного офицера, ни одного командира взвода, капитан Шутов направил меня туда. Сам он остался в окопе на левом фланге. Я навел боевой порядок, набил пулеметные ленты, покусался. Капитан Шутов вызвал меня к себе, и я получил от него задачу: в 16 часов 26 ноября наступать со своей группой, под покровом темноты занять роту, а затем деревню Полибино. Эту роту называли парком деревни Полибино. На северо-западе, на фланге д. Полибино, был стрелковый окоп противника. Капитан Шутов со своей группой наступал на высоту, что стояла южнее роты и деревни Полибино. Местность открытая. Правда, слева был кустарник, но за ним была высота, занятая немцами. Сигнал к наступлению в 16 часов — красная ракета.

Итак, мы пошли в наступление, но нам, особенно группе капитана Шутова, не везло. Хотя было тепло, но снег не везде растаял, и бойцы без маскхалатов на фоне снега ярко выделялись, несмотря на сумерки... Коротко говоря, противник встретил группу Шутова огнем, и атака сорвалась. Группе Герасимова поначалу удалось войти в парк и занять окоп у деревни Полибино. В это время противник сам атаковал группу Шутова и, рассеяв ее, снова занял Погонялинскую высоту и организовал на ней оборону. Капитан Шутов и несколько бойцов его группы, пробравшись по кустам, соединились со своими. Посовещавшись, приняли единственно правильное решение: пользуясь темнотой, снова занять высоту 178,3 и закрепиться там.

«...Всю ночь шел дождь, снег стоял, и стояла такая темень, что мы незаметно подошли к окопу на правом фланге Погонялинской высоты. Противник, видимо, считал нас всех убитыми, нашего появления с тыла не ждал. Его наблюдатели и пулеметы были направлены на восток или к реке Ловать. Мы бесшумно прорвались на высоту, уничтожив наблюдателей и пулеметчиков. Основные силы противника были в землянках на отходе и были нами уничтожены. Мы не теряли времени и бросились в окоп на левом фланге, но фрицы уже оставили окоп и отступили.

На рассвете 27 ноября мы отправили в тыл раненых и донесение. Итак, высота опять в наших руках. У нас было два станковых пулемета и два немецких трофейных и нас 28 человек. Капитан Шутов с группой в 13 человек занял окоп на правом фланге высоты, а моя группа из 14 человек — окоп левого фланга.

Все понимали и поддерживали слова капитана Шутова:

— Держаться до последнего! Высоту не

сдавать! Живым в плен не сдаваться. А с тылу нам многого ждать не приходится.

Часов в 10 к нам пришли из тыла 4 человека, принесли патроны и еду — подкрепиться. С ними пришел артиллерийский наблюдатель-корректировщик лейтенант Кузьмин. В течение дня много раз отбивали атаки противника. Он наступал то на один окоп, то на другой, при поддержке артиллерии и минометов...

Тогда у Шутова оставалось уже 6 человек. И вот противник сделал хорошую артподготовку и бросил в атаку несколько рот, сразу на оба фланга. Мы на своем фланге атаку отбили. А Шутов не мог. Они все были ранены при артподготовке. Там они и погибли. Не прошло и получаса, как от них приполз один раненый солдат. Как ему удалось это, даже не представляю. Он рассказал, что в окопе все были ранены. Немцы прорвались к нам на оборону, сначала исколеди до неузнаваемости комиссара, а затем бойцов. Этот солдат был от них подальше, отполз в сторону, а затем свалился в ход сообщения и дополз до нас. После этого мы отбили еще две атаки противника, и у нас вышли все патроны, а из 8 оставшихся человек было 5 раненых, в том числе и я был ранен в ногу. Я тогда подполз к лейтенанту Кузьмину. Он был тоже ранен. Я рассказал обстановку. Он ответил:

— С тылу ждать нечего, и нас ожидает такая же участь, что и Шутова с его группой. И мы решили вызвать огонь на себя.

Снаряд разорвался возле меня. Осколком не задело, а контузило взрывом, и я впал в бесспамятство. Очнулся, когда уже наши с ходу отбивали атаку противника. Я спросил, что за подразделение пришло. Мне ответили, что лыжный батальон. Когда меня эвакуировали, со мной было еще два тяжелораненых, которые по дороге в санбат скончались. Итак, 27 ноября 1942 года было последним днем моего пребывания в 3-м батальоне 88 сп 28 СД.

В одном из писем Сергей Николаевич дополняет сказанное: «Некоторые скажут: вот дураки! Вышла из окружения и вызывает огонь на себя! Отползли бы и живыми остались! Но мы этого сделать не могли и решили с лейтенантом Кузьминым прибегнуть к последнему средству по следующим причинам:

1. У нас уже не было патронов к пулемету.
2. Нас осталось 8 человек, и большинство раненых, в том числе были тяжелораненые, истекавшие кровью. Мы не могли оказать им никакой помощи, но не могли и бросить.
3. Мы не хотели, чтобы нас постигла такая же участь, какая постигла капитана Шутова с его группой.
4. Мы надеялись этим самым оттянуть время захвата высоты немцами, надеясь все же, что нам придет на помощь и мы удержим хотя бы эту половину высоты. Ведь мы за нее батальон потеряли! И вот наши надежды оправдались».

Вот и весь рассказ старшины об одном из боев его фронтовой жизни: не первом и не последнем.

Демобилизовался Сергей Николаевич в 1946 году. Две пули и семнадцать осколков пришло к его долю. Три осколка до сих пор не извлечены и дают о себе знать в дурную погоду. А после войны — работа без отдыха и срока.

Читаешь скупые строки писем Герасимова и думаешь: сколько испытаний выпало на его долю и сколько же может вынести наш человек! Вынести с достоинством, не сгибаясь, не жалуюсь. Перед глазами встают снова и снова образы, дела, судьбы тысяч и тысяч советских солдат, скромных и немногословных, нехвастливых, без суеты совершавших, как будничную работу, великое дело Победы над врагом. Тех самых солдат, великое мужество и терпение которых не имели предела, тех бойцов, без которых были бы мертвы военная наука и техника и самые талантливые решения командиров.

Не зная покоя

После войны останки погребенных в местах описываемых мною боев из множества могил были перенесены в две братские могилы: в Полибино и Поречье. При этом были уничтожены, выброшены все наши надписи! Не было сохранено ни одного имени! Ни одного из сотен. Говорят, составляли списки, но никто не может их разыскать уже много лет.

Трудно понять происшедшее, еще труднее смириться с мыслью, что наши соратники, имевшие весьма конкретные родные края, дом, семью, имя, павшие за честь и свободу нашу, стали вдруг в один момент безымянными, неизвестными. Мы, однополчане, не будем знать покоя, пока эта нелепость не будет, хотя бы частично, исправлена.

Мы предлагали и вновь предлагаем местному Совету, военкомату, иным следопытам: обратитесь ко всем фронтовикам, сражавшимся в этом районе. Попросите их вспомнить имена погибших. Каждый из нас вспомнит десяток, а то и больше фамилий. Таким образом, хотя бы вчерне, можно составить список погребенных в братских могилах. Этот список со временем будет уточняться, пока наконец не настанет время перенести его на мрамор. Это следует сделать срочно, пока не поздно! Сделайте, чтобы не было совести перед павшими героями, их родственниками, перед ветеранами войны, приезжающими на свои окопы. Это надо сделать, чтобы доказать, что мы не пустословим, повторяя слова: «Никто не забыт, ничто не забыто!».

Василий ЗВОНЦОВ,
бывший начальник штаба 88-го
стрелкового полка.

Ленинград.